

УДК 811.161.1

*И.А. Ковальская***ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ
В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЕ Р. СЕНЧИНА**

Статья посвящена выявлению языковых особенностей числительных, употребляемых Р. Сенчиным в текстах жанра нон-фикшн, представителем которого он является. Оговаривается содержание этого термина и состав, относящихся к жанру нон-фикшн текстов (мемуары, биография, документальный роман). Материалом для исследования послужили рассказы «Первая девушка», «Афинские ночи», «За встречу», «Еще одна ночь», «К мужу», «Иджим», «Приближаются сумерки», «Ложка сахара» и повесть «Один плюс один». В процессе работы использовались сравнительно-сопоставительный и количественно-статистический методы. В проанализированных текстах выявлены функции числительных, определены их контекстные значения. Сделан вывод о том, что числительные в документальной прозе Р. Сенчина не всегда имеют конкретное количественное наполнение, однако, активно участвуют в реализации авторского замысла, придают выразительность тексту, обладают значительным прагматическим потенциалом.

Ключевые слова: нон-фикшн, имя числительное, экспрессивные языковые средства, документальная проза, Роман Сенчин.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-2-393-399

Роман Валерьевич Сенчин автор современной документальной прозы, критик, певец, участник групп «Свободные радикалы» и «Гаражная мелодика», родился в 1971 г. в городе Кызыле Тувинской АССР. С 1993 г. выходят в свет его первые рассказы о людях, оказавшихся в непростой жизненной ситуации. В 1990–е гг., после снятия цензурных ограничений в области литературы и искусства, возможность опубликовать свои произведения получили ранее неизвестные писатели. Но, не всем удалось пройти испытание временем и заслужить внимание читателей. В настоящее время, творчество Р. Сенчина, в основном автобиографичное, пользуется большой популярностью, благодаря «жесткому натурализму», документальности и откровенности автора. Являясь представителем жанра нон-фикшн, Сенчин входит в совокупное творческое пространство под названием «новый реализм», наряду с такими известными писателями, как С. Шаргунов, Г. Садулаев, А. Бабченко, А. Рудалев, Е. Погорелая, Д. Гуцко. В целом, Р. Сенчин работает в основных направлениях жанра нон-фикшн: биографии, мемуаров, документального романа. «Нон-фикшн (от англ. non – «не» + fiction – «беллетристика», «фикция») – «литературное прозаическое произведение, не являющееся ни романом, ни повестью, ни рассказом; деловая или критическая проза» [2, с. 204]. Появлению жанра предшествовал выход романа Трумена Капоте «Хладнокровное убийство» (США, 1965) о реальной жизни простых американцев. Данный роман автор охарактеризовал как «*nonfictionnove*». Так официально зародилось понятие «документальный роман». В дальнейшем, благодаря английскому физику-теоретику Ст. Хокингу и его рассказам о черных дырах получил развитие «научный нон-фикшн». В это же время набирают популярность автобиографии. Например, в 1968 г. американский писатель Т. Вулф выпустил роман «Электропрохладительный кислотный тест», в основу которого положена история его жизни, проведенной в среде субкультуры хиппи. В русской литературе к документальной прозе справедливо относят произведения А.И. Герцена «Былое и думы», путевые записки А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», И.А. Гончарова «Фрегат "Паллада"» и автобиографичные сочинения А.П. Чехова.

Существующая в СССР «литература факта», представленная в таких серьезных журналах как «Знание – сила», «Наука и жизнь», «Знамя», «Искатель» была подвержена строгой цензуре. И только после распада страны литература стала издаваться без сокращений и изменений. Таким образом, специфической особенностью жанра нон-фикшн являются достоверность и биографичность, выраженные при помощи художественных или драматических приемов.

По мнению критиков, современный читатель постепенно утрачивает интерес к чисто художественной литературе. Сегодня литература нон-фикшн на русском языке составляет большую часть всех печатных изданий куда входят: мемуары и документальные хроники-биографии, учебники, словари, техническая литература, энциклопедии, эссе, самоучители.

Материалом для исследования послужили произведения Р. Сенчина: рассказы «Первая девушка», «Афинские ночи», «Ещё одна ночь», «К мужу», «За встречу», «Иджим», «Приближаются сумерки», «Ложка сахара» и повесть «Один плюс один». На сегодняшний день, отсутствуют работы, посвященные лексическому анализу текстов писателя. Предметом нашего исследования является изучение функционально-семантического значения числительных в документальной прозе Р. Сенчина. Статистический анализ выявленных числовых номинаций осуществлялся путем сплошной выборки:

Один плюс один:

«Два» – 20; «один» – 15; «пять» – 14; «двадцать» – 14; «три» – 12; «десять» – 11; «две» – 11; «четыре» – 8; «пятьдесят» – 8; «одной» – 7; «пару» – 6; «тысячи» – 6; «шестьсот» – 5; «сотни» – 5; «сорок» – 4; «одну» – 4; «шесть» – 4; «одни» – 4; «одна» – 4; «восемь» – 4; «два-три» – 3; «трех» – 3; «третий» – 3; «седьмого» – 3; «девятисто» – 3; «тысяч» – 3; «двести» – 3; «первую» – 3; «обе» – 3; «двойную» – 2; «семь» – 2; «три-четыре» – 2; «одном» – 2; «семьдесят» – 2; «двое» – 2; «тридцать» – 2; «пятнадцать» – 2; «одному» – 2; «двух» – 2; «первого» – 2; «одиннадцати» – 2; «тридцати» – 2; «четыреста» – 2; «двадцатник» – 2; «двойную» – 1; «семь» – 1; «восемь...одиннадцать» – 1; «вторую» – 1; «два» – 1; «восемь...двенадцать» – 1.

Ещё одна ночь:

«Одна» – 3; «три» – 2; «пяти» – 1; «двадцать» – 1; «восемь» – 1; «девятого» – 1; «пять» – 1; «две» – 1.

К мужу:

«Десять» – 7; «два» – 6; «три» – 6; «пять» – 5; «двадцать» – 3; «трое» – 3; «две» – 3; «один» – 2; «пятьсот» – 2; «семь» – 2; «одной» – 2; «пяти» – 2; «одни» – 2.

Афинские ночи:

«Два» – 13; «три» – 11; «две» – 11; «двадцать» – 9; «четыре» – 7; «пять» – 7; «пару» – 7; «один» – 7; «одна» – 7; «пятьдесят» – 6; «полтора» – 5; «двух» – 5; «тридцать» – 5; «семьдесят» – 5; «девять» – 4; «десять» – 4; «одного» – 4.

Первая девушка:

«Один» – 6; «четвертого» – 3; «десять» – 3; «семнадцатого» – 2; «трое» – 2; «тридцать» – 2.

Иджим:

«Один» – 7; «три» – 6; «два» – 4; «пятьдесят» – 4; «двадцать» – 4; «одному» – 2; «сорок» – 2; «пять» – 2; «две» – 2; «семь» – 2; «десятки» – 2.

Приближаются сумерки:

«Один» – 5; «два» – 4; «одного» – 3; «первом» – 2; «две» – 2; «двумя» – 2; «девятисто» – 2.

За встречу:

«Два» – 7; «одно» – 4; «двадцать» – 3; «один» – 3; «пять» – 3; «первым» – 2; «четыре» – 2; «пару» – 2.

Что такое имя числительное в русском языке? В «Толковом словаре» Т.Ф. Ефремовой читаем следующее определение: «Числительное *ср.* 1. Слово, обозначающее количество или количественный признак (*в лингвистике*). 2. Название части речи, включающей такие слова; имя числительное...» [1, с. 928]. Приведем толкование этой части речи С.И. Ожеговым: «Числительное. В грамматике: слово (существительное или прилагательное), обозначающие количество или количественный признак, порядок предметов при счете» [7, с. 711].

Основную массу в текстах Р. Сенчина, наряду с собирательными и порядковыми, составляют количественные числительные. Они имеют количественно-числовое значение и отвечают на вопрос «сколько?». Собирательные числительные также отвечают на вопрос «сколько?», но обозначают количество предметов как одно целое. Порядковые числительные указывают на порядок предметов при счёте и соответствуют вопросу «который?»

Число обычно представляет собой результат счета. По сравнению с существительными и прилагательными имя числительное считается сравнительно молодой частью речи. В древнерусском языке при наличии счетных количественных слов имя числительное как таковое отсутствовало. Вначале было всего двенадцать количественных слов: *одинь, два, три, четыре, пять, шесть, семь, осемь, девять, десять, съто, тысяча*. Другие счетные слова возникли путем комбинации уже имеющихся лексем. Например, *пять на десяте* или *девять на десяте*. Со временем, в ходе фонетических изменений и путем слияния слов образовались числа типа пятнадцать, девятнадцать и т.д. Семантическая неповторимость числительных не предусматривает изменения их значений и использования в

качестве метафор. Поэтому экспрессивность числительных в чистом виде обычно оказывается под вопросом, так как на первом месте стоит информативная функция.

Как известно, имя числительное наиболее часто встречается в научных работах, которые характеризуются точной количественной информацией, важной для подтверждения определенных гипотез и выводов. В текстах иной функциональной принадлежности имена числительные выполняют не менее важную роль. К примеру, в публицистике, благодаря числительным, подчеркивается достоверность описываемых событий и усиливается воздействие на читателя сообщаемой ему информации. Как правило, частотность применения числительных в художественных произведениях не так высока. Скорее всего, это вызвано тем, что художественные тексты, по сути, являются вымыслом и не требуют точности данных.

Для того, чтобы определить, какую роль играют числительные в воплощении авторского замысла, необходимо отметить, что они не являются обязательным и востребованным элементом художественного стиля. Предположим, что в прозе Р. Сенчина числительные выполняют свою первичную функцию, т.е. передачу объективных данных. Вполне возможно, что автор, как представитель документальной прозы, использует числа, чтобы показать описываемые события с биографической точностью (обозначить количество людей, время суток, даты, возраст, материальное положение, явления, связанные с условиями жизни, окружающей обстановкой, т.е. реальность, в которой существует человек). Числительные обычно используются при описании какого-либо события, в котором нет места художественному вымыслу. Благодаря числительным, читатель получает достоверное и целостное представление о происходящем: «Магазин “Стелла” в семнадцати минутах ходьбы от метро» [5, с. 67]; «За шесть рублей в наше время, что может быть, сами знаете» [5, с. 67]; «В двух шагах от подъезда» [5, с. 68]; «Строили такие конурки для одиноких старух, теперь же сдают молодым семьям за полторы тысячи в месяц» [5, с. 68]; « – В девять утра на Белорусском, в кафе. Знаешь, которое за шестой платформой? Там еще бильярдный зал рядом...» [5, с. 69]; «Воспользовавшись моментом, я достал из своего тайника в туалете все, что там находилось, – сто пятьдесят» [5, с. 69]; «До пяти я валялась на кровати и читала захваченный с подоконника в туалете номер «Я молодой», потом оделась, взяла сумку и пошла в Торговый центр за матерью. Она сидит там, продает книжки за двадцать процентов» [4, с. 60]; «... Мать целыми днями сидит на Торговом, а я валяюсь дома, в мерзкой комнатешке три шага на пять, или торчу у Светки, слушаем музыку» [4, с. 61]; «Поголывать по селу, с приятелями встречаться, в этот раз совсем не тянуло, даже в магазин сходить или в клуб, а рыбачил он прямо в огороде – метров двадцать берега пруда лежали на их участке... Дэн обещал позвонить ровно в девять, сейчас без двадцати» [4, с. 303]; «Светлахе далеко за полтинник, худая, изожженная плохой водкой и спиртом, не верящая в мужчин...» [4, с. 188].

Особым положением у Сенчина пользуется количественное числительное «один», которое фигурирует не только в тексте, но и в названии рассказа «Ещё одна ночь» и повести «Один плюс один». В свое время Л.Н. Толстой писал: «Что такое единица, один??? Откуда это понятие? Оно кажется самым ясным, а оно самое необъяснимое. Если я говорю: один, одно кресло, перо, то я говорю про... Не могу ясно выразить. После. Одно, что хотел сказать, что понятие одного возникло из сознания себя одним среди бесконечного» [8, с. 293]. В словаре символов и знаков «один» описывается как «единое как исток всего множества вещей, это центр, Бог, солнце, мужское начало; это бытие и проявление духовной сущности в противоположность небытию и непроявленности. Число один также воплощает активный принцип; оно есть начало. Кроме того, единица обозначает духовное единство, целостность, единую природу всего сущего» [3, с. 486].

Особенности числовой лексемы «один» отчетливо проявляются в произведениях Сенчина: «Один ее мимолетный, недовольный взмах глаз перевернул для меня мир» [5, с. 208]; «И сейчас, доставая из нагрудного кармана пиджака магнитную карту-проездной, он вспомнил о еще одном своем желании, чуть ли не ежедневном желании подойти к одному из столиков-тумб экспресс-кафе, к тому, из которого торчат краники, и открыть их» [4, с. 242]; «Столько этих откинувшихся эзков прокочевали через ее избушку, и ни один не задержался» [4, с. 188]. Интересна конструкция «ещё + одна + существительное»: «Еще одна ночь, правда, не слишком веселая, зато не дома» [4, с. 62]. В приведенном примере числительное «один» выступает в синкретической функции числового модификатора и неопределенного местоимения («некоторый»).

В следующих примерах числительное «один» приобретает семантические функции личного местоимения «Я»: «Очень рано, наверняка благодаря плохому зрению, он привык быть один, точнее –

с книгами» [4, с. 226]; «Давным-давно, в детстве, во время какой-то тяжелой болезни было у него похожее состояние, и сейчас Юрий Сергеевич вспомнил себя маленького, одного в темной комнате, окруженного кошмарами, болтающегося между сном и явью» [4, с. 231]. В данном случае с помощью числительного «один» личность выделяет себя из объективного мира и ощущает себя как нечто отдельное.

Представляет интерес употребление Р. Сенчиным количественного числительного «один» в виде повторов: «– Ты как, один? – спрашивает парень.– Один. Это коммуналка. Живу один» [6, с. 309]; «В голове стучал кровавой молоточек: “Не получилось... дурак, кретин... не получилось... Один... Снова один...”» [6, с. 346]. Мы видим, что благодаря повторам передается обостренно переживаемое героями чувство одиночества. Числительное «один» в данных примерах указывает на внутреннее «Я» человека, маркирует героев как индивидуальностей. Повторы числительных используются Р. Сенчиным для придания тексту экспрессивности: «Алла Георгиевна скажет ей то- же, что говорила и вчера, и множество предыдущих дней: “Двойную пельменей!” – Марши, двойную пельменей! Марина встает с просиженного, шаткого стула, идет на кухню. – Двойную пельменей, – передает слова начальницы поварихе» [6, с. 282].

Лексема «первый» в текстах Р. Сенчина заслуживает отдельного внимания. Не случайно, это числительное присутствует в названии одного из самых ярких и острых по напряженности сюжета рассказов Р. Сенчина «Первая девушка». Это рассказ о границах противостояния добра и зла в душе отдельного человека. При помощи порядкового числительного «первый» автор показывает, насколько возвышена первая любовь и отвратителен первый плохой поступок в жизни главного героя.

В классическом произведении начало имеет сакральный смысл. Следует заметить, что у Р. Сенчина порядковое числительное «первый», как правило, выражает линейную форму времени, когда за определенным событием располагаются другие, однородные: «Первые недели казались длинными, были полны впечатлений, открытий, но вскоре все как бы потускнело, стало обычным, дни потекли одинаковы» [4, с. 242]; «В первое лето, когда он приехал сюда с родителями, почти сдружился с Олегом, еще с некоторыми, кто жил в околотке. Но спустя год Андрей почувствовал, что надо что-то делать, менять» [4, с. 300]; «В первое время еще по привычке радовался парням, загорал на берегу пруда, ходил на танцы, катался на вечно полуживом, трескучем, но никак не умирающем “Урале”, гордости и драгоценности Вовки Белякова, которого все почему-то называли Редис и Редя. А потом, приезжая, почти не выходил за ворота, при редких встречах с ребятами на их предложение “посидеть, пропустить”, как мог отказывался – “сейчас не могу, жалко, дела...”» [4, с. 305]. Из примеров видно, как числительное «первый» играет важную роль в передаче всей гаммы оттенков внутреннего состояния героев: от восхищения до разочарования и обреченности.

Одно из самых повторяющихся числительных в творчестве Р. Сенчина «два». На наш взгляд, символический смысл названия повести «Один плюс один» заключен автором именно в числе «два», так как «два» образуется путем сложения двух единиц. Современная арабская цифра «два» представлена двумя горизонтальными линиями. «Два» исторически было символом двойственности, дуализма, супружества, единства и борьбы противоположностей. Известно, что символические числительные берут начало в народной культуре. Каждое число служило для обозначения какого-либо, чаще всего, сакрального смысла в народных представлениях. Благодаря такому дополнительному значению числительные приобретают конкретную коннотацию: «Это ему пока по карману, даже из тех полутора сотен долларов, что были при нем два года назад, когда уходил побитым и бездомным из офиса, сотня лежит целенькая» [6, с. 309]; «И у него, и у нее семьи, взрослые дети, устоявшаяся жизнь, и вот раз два в месяц они встречаются, гуляют подальше от районов, где находятся их дома, а перед расставанием заходят сюда, пьют вино, глядя друг в друга, мечтая быть вместе и понимая, что это несбыточно» [6, с. 325]; «– Марин, ну пожалуйста! Я два часа здесь, тебя ждал, – жалобно рассказывает сосед» [6, с. 340]; «После школы два пустых года дома – маленькая, скучная Кондопога, где единственное развлечение – в озере покататься, позагорать, на яхте, если пригласят, покататься, да и то это удовольствие только летом, а в основном дожди, холод, скука» [4, с. 247]; «Игорь усмехнулся, – два года ему было все равно абсолютно, есть ли вообще телефон, а теперь вот приспичило. Ладно, потерпит; Выпиваем по две рюмки, он совсем не умеет пить и уже поехал» [6, с. 310]; «Мрак там... Два дня еле выдержал...» [5, с. 71].

Повторы числительного «два» помогают автору изобразить внутреннее напряжение героя и обозначить значимость происходящего события: «Но... но у меня такой день! Я... ждал! – Вот оно,

вот оно, счастье, оно рядом, и оно ускользает. Удержать, надо его удержать. – Я два года ждал этого дня, понимаешь ты, нет?! Два года...» [6, с. 348].

Важность, на наш взгляд, представляют имена числительные, используемые Р. Сенчиным для изображения восприятия времени действующими лицами. В философии существует объективное и субъективное понятие времени. «Объективное время, измеряемое отрезками пути небесных тел, нужно отличать от субъективного, которое основано на осознании времени. Последнее зависит от содержания переживаний и является главным образом возможностью что-то делать, переживать и т. п.» [9, с. 38]. В произведениях Р. Сенчина можно найти много примеров субъективного восприятия времени, выражаемого с помощью числительных. Для главных героев его произведений время тянется невыносимо долго. Это чувство выражается с помощью повторов числительных в форме количественно-именных комбинаций с функцией времени: «С тополя, что надо мной, сыплются почки. Некоторые приклеиваются к волосам. Отдираю их... То и дело смотрю на часы. Дэн обещал позвонить ровно в девять. Сейчас без двадцати. Главное – опередить жену, взять трубку первым» [5, с. 70]; «– Я–а сно... – Смотрю на часы, без пяти минут девять. – Если можно, чайку бы» [5, 71]; «Дэн смотрит на часы на руке. – Еще два с лишним часа! Почему так долго?» [5, с. 72]; «Без четверти одиннадцать вечера возле клуба “Пена” появился высокий молодой человек в свежем темном костюме. Приостановился у входа, распечатал пачку “Парламента”, закурил» [4, с. 88]; «Одиннадцать часов – самое активное время. Подтягиваются решившие провести здесь всю ночь, а тинейджеры, которых родители отпустили до закрытия метро, спешат успеть навеселиться» [4, с. 90]; «Музыка медленная, точно и она устала; уже никто не танцует. Кое-как дотерпел до шести утра. Теперь трясется в безлюдном вагоне» [4, с. 93]; «В ящике – газета. Юрий Сергеевич взял ее, как всегда радуясь, что она есть, что двадцать минут в метро благодаря ей пройдут по возможности незаметно. Когда читаешь, поездка кажется не такой длительной и однообразной» [4, с. 226]; «А сегодня стрелки топчутся на одном месте. Нет, секундная, она торопится, она нарезает круги под стеклом часиков, зато две другие – стоят. Подмыкает отколупнуть стекло и пальцем помочь» [6, с. 307]; «Марина глянула на часы. Без двадцати шесть. Еще четыре с половиной минутных круга» [6, с. 299].

Особое значение в рассказе «Первая девушка» занимают числительные «семнадцать» и «двадцать четыре». Действие происходит в училище, где обучается главный герой. Чтобы подчеркнуть трагичность ситуации Р. Сенчин вводит порядковые числительные для отсчета начала и кульминации трагического конца: «Для меня она появилась в училище семнадцатого сентября. Это число я обвел в карманном календарике жирным красным кружком» [5, с. 208]; «С семнадцатого сентября она, девушка с мозаичного, стала центром моих желаний» [5, с. 209]; «В таком состоянии я жил больше месяца. Это кончилось двадцать четвертого октября. День этот я навсегда запомнил, его я обвел в календаре черным» [5, с. 211]. В этом случае авторская символика числительных отличается от общеязыковой. Числа «семнадцать» и «двадцать четыре» стали для героя символами испытания, переживания, крушения надежд.

Особым смыслом наделено числительное «три», чаще всего символическим «По тропинке в нашу сторону движутся три девушки. Как раз три, как в сказке!» [5, с. 74]; «Сам я на грани, сам могу ей что-нибудь сказать. Уж на ее убогую злость у меня найдется раза в три круче...» [5, с. 70]; «Я же до Суриковки в банке работал, кончил три курса финансовой академии, да вот крышу снесло – решил, что художник. На набережной Москвы–реки – три огромных бело–голубых дома. Люди называют их “кораблями”, и действительно – они похожи на океанские лайнеры с сотнями удобных кают. Лайнеры повидали моря, океаны и встали в порту на кратковременный отдых. В первое время, когда видел их, в груди начинало приятно посасывать, хотелось представить, кто в них живет, было трудно оторвать от них взгляд. Я любовался “кораблями”. А потом, потом – надоело, даже стал злиться: сколько ни смотрю, они всё на месте, всё одни и те же, и люди в них не романтические пассажиры, а обычные, вроде меня, сухопутного, каждодневного» [5, с. 77].

Как показывает наблюдение, количественное числительное «три» используется Р. Сенчиным для приблизительного, неточного выражения времени: «Почти три года о нем не было известий, а потом он прилетел самолетом, богато одетый, с мобильным телефоном в кармане, накачанный силой и энергией, твердой уверенностью в себе» [6, с. 300]; «Провести время, обновить впечатления. Уже бывало так раза три, и все заканчивалось хорошо» [6, с. 340]. Мы видим, что значение приблизительности вносит в семантику числительного «три» элемент удачливости, успеха, свободы и надежды.

В рассказе «Афинские ночи» главного героя очень сильно беспокоят материальные проблемы, поэтому, не случайно здесь много числительных, состоящих из количественно-именных сочетаний, обозначающих меру стоимости и отражающих соответствующие значения: количество денег, необходимых для жизни, величину долгов, размер заработка, трудности на работе: «За шесть рублей в наше время что может быть, сами знаете» [5, с. 68]; «Строили такие конурки для одиноких старух, теперь же сдают молодым семьям за полторы тысячи в месяц» [5, с. 68]; «Жена дала мне тридцать рублей. Оговорилась: – Еще бы... но ведь за квартиру скоро платить.– Ладно, хватит и этого... Воспользовавшись моментом, я достал из своего тайника в туалете все, что там находилось, – сто пятьдесят!» [5, с. 69]; «Там вот точно с пятистами нашими неделю можно как богу жить...» [5, с. 71]; «Надо съездить скорей, а то возьмут, в натуре, единую рублевую зону сделают, тогда уже так не будет...» [5, с. 72]; «– Целую неделю приходится в офисе по восемь часов подряд улыбаться каждому рылу, так и в выходные расслабиться не дают! Я получаю в месяц три с половиной штуки. Если бы не снимал квартиру, было б вообще неплохо. Но какой ценой я имею эти три с половиной штуки?...» [5, с. 74]; «Целый день вынужден петь о красотах Египта, Кипра, где никогда не был. Выучил все курорты, отели, знаю, где как кормят, где какой вид из окна. Должен стараться изо всех сил, чтобы клиент раскошелился. И как бы ни старался, лишь один из пяти клюет и выкладывает бабли, а четверо послушают и уходят. За день бывает человек двадцать... И всем я рассказываю, всем улыбаюсь...» [5, с. 75]; «Слегка привираю:– Гм... две штуки так... две триста. Смотря сколько точек обойду да как товар в целом реализовывается. По правде–то у меня зарплата за месяц тысяча шестьсот–восемьсот. Двух еще не было» [5, с. 76].

В этих примерах, благодаря числительным, автор указывает на то, в какой степени героев тревожат их проблемы, а внутренний монолог приобретает реалистичность и достоверность.

Исследование показало, что имена числительные принимают активное участие в формировании семантики произведений Р. Сенчина и нацелены на выражение авторской идеи. Поэтому представляется не случайным их размещение в сильную позицию наименования произведений: «Первая девушка», «Один плюс один», «Еще одна ночь». Помимо передачи достоверной количественной информации, числительные служат для уточнения разнообразных обстоятельств жизни героев, их характеристики и описания внутренних состояний. Утилитарное значение числительных чаще всего выражается через контекст. Имена числительные представляют собой один из обязательных компонентов устойчивых оборотов речи героев и автора. Писатель наделяет некоторые числительные индивидуально-воспринимаемым смысловым значением для того, чтобы выразить собственное восприятие мира и человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. II : П–Я / 2–е изд. М.: Русский язык, 2001. 1084 с.
2. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов: более 4500 слов и выражений. М.: Эксмо, 2006. 669 с.
3. Рогалевич Н.Н. Словарь символов и знаков Минск: Харвест, 2004. 512 с.
4. Сенчин Р.В. День без числа. Сборник рассказов. М.: Литературная Россия, 2006. 352 с.
5. Сенчин Р.В. Изобилие: рассказы. М.: КоЛибри, 2011. 224 с.
6. Сенчин Р.В. Рок умер – а мы живем. М.: Эксмо, 2017. 352 с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2012. 896 с.
8. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах, академическое юбилейное издание, том 57. М: Государственное Издательство Художественной Литературы, 1952. 546 с.
9. Тураева З.Я. Лингвистика текста. М: Просвещение, 1986. 128 с.

Поступила в редакцию 09.07.2021

Ковальская Ирина Александровна, аспирант кафедры русского языка и литературы
Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
347924, Россия, Ростовская область, г. Таганрог, ул. Инициативная, 46
E-mail: 1411irina@mail.ru

*I.A. Kovalskaya***FEATURES OF THE FUNCTIONING OF NUMERALS IN THE DOCUMENTARY PROSE OF R. SENCHIN**

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-2-393-399

The article is devoted to identifying the linguistic features of the numerals used by R. Senchin in the texts of the non-fiction genre, the representative of which he is. The content of this term and the composition of non-fiction texts (memoirs, biography, documentary novel) are discussed. The material for the study was the stories «The First Girl», «Athenian Nights», «For the Meeting», «One More Night», «To My Husband», «Ijim», «Approaching Twilight», "Sugar Spoon" and the novel «One Plus One». In the process of work the contrastive-comparative and quantitative-statistical methods were used. In the analyzed texts the functions of numerals were identified, their contextual meanings were determined. It is concluded that the numerals in the documentary prose of R. Senchin do not always have a specific quantitative content, but actively participate in the realization of the author's idea, give expressiveness to the text, have significant pragmatic potential.

Keywords: non-fiction, numeral, expressive language means, documentary prose, Roman Senchin.

REFERENCES

1. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj [A new dictionary of the Russian language. Explanatory-word-formation]. V 2 t. T. II: P– Ja / 2–e izd. M.: Russkij jazyk, 2001. 1084 s. (In Russian).
2. Komlev N.G. Slovar' inostrannyh slov: bolee 4500 slov i vyrazhenij [Dictionary of foreign words: more than 4500 words and expressions]. M.: Jeksmo, 2006. 669 s. (In Russian).
3. Rogalevich N.N. Slovar' simvolov i znakov [Dictionary of symbols and signs]. Minsk: Harvest, 2004. 512 s. (In Russian).
4. Senchin R.V. Den' bez chisla. Sbornik rasskazov [Day without a number. Collection of stories]. M.: Literaturnaja Rossija, 2006. 352 s. (In Russian).
5. Senchin R.V. Izobilie: rasskazy [Abundance: short stories]. M.: KoLibri, 2011. 224 s. (In Russian).
6. Senchin R.V. Rok umer – a my zhivem [A fate died – and we live]. M.: Jeksmo, 2017. 352 s. (In Russian).
7. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory dictionary of Russian]. M: AST, 2012. 896 s. (In Russian).
8. Tolstoj L.N. Polnoe sobranie sochinenij v 90 tomah, akademicheskoe jubilejnoe izdanie [Complete works are in 90 volumes, academic anniversary edition], tom 57. M: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Hudozhestvennoj Literatury, 1952. 546 s. (In Russian).
9. Turaeva Z.Ja. Lingvistika teksta [Linguistics of text]. M.: Prosveshhenie, 1986. 128 s. (In Russian).

Received 09.07.2021

Kovalskaya I.A., postgraduate student at Department of Russian Language and Literature
Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch of)
the Federal State Budgetary Educational Institution "RSUE (RINH)"
Initsiativnaya st., 46, Taganrog, Rostov region, Russia, 347924
E-mail: 141.lirina@mail.ru